

УДК 811.161.1+81 +821.161.1 (092) Гумилёв Л.Н.

ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ Л.Н. ГУМИЛЁВА

БАЧУРИНА Елена Борисовна,

аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания ИФМИП НГПУ,
учитель русского языка и литературы МОУ «Гимназия № 7»,
г. Новосибирск

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена особенностям метафорической репрезентации центральной константы этнографического тезауруса Л.Н. Гумилёва – пассионарность. Учитываются не только концептуально обусловленные метафорические образы, но и генетически связанные с ними образы сравнения-уподобления. Показано, что данные тропы отражают в своём содержании этнические процессы. Раскрывается тематическое разнообразие концептуальных метафор, среди которых особо значимы – физиологические и медицинские; метафоризируются устойчивые выражения (инкубационный период, раковая опухоль, свободные атомы). Отмечен элемент субъективности, позволяющий автору соединять научный слог с художественным и в метафорических описаниях «этнологической диагностики» использовать грамматически ориентированный троп (видообразование).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафора и сравнение, концептуальный сценарий, концептуальная метафора.

BACHURINA E.B.,

Post-graduate Student of the Department of Modern Russian Language and Teaching Methods,
IFMIP NSPU, Teacher of Gymnasium № 7, Novosibirsk

CONCEPTUAL METAPHOR EXPLICATIONS IN L.N.GUMILYOV'S DISCOURSE

ABSTRACT. The article is devoted to metaphor representation features of the central constant, passionarity, in L.N. Gumilyov's ethnographic thesaurus. Not only conceptually determined metaphorical images are considered, but also images of comparison genetically connected with them. It is demonstrated that the given tropes contain components of intensity and destruction of ethnic processes. A thematic variety of conceptual metaphors, among which physiological and medical are of special importance, is considered. Set expressions become metaphorised («the latency period», «a cancer tumour», «free atoms»). An element of the subjectivity allowing the author to combine the style of academic writing with that of fiction is paid attention to. This element makes it possible to use grammar-oriented tropes in metaphorical descriptions of the ethnological analysis.

KEY WORDS: metaphor and comparison, conceptual script, conceptual metaphor.

Н а сегодня метафорическая модель признаётся ключевой в процессе научного описания потому, что представляет собой минимальную интегрирующую схему, объединяющую в своей семантической структуре как минимум два объекта и создающую на их основе новое метафорическое представление. В научном дискурсе большую роль играют аналогии, генетически связанные метафоры и сравнения-уподобления являются главными средствами их выражения. В дискурсе Л.Н. Гумилёва соотношение сравнений и метафор примерно 3:1.

Вслед за целым рядом исследователей (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова и др.) концептуальная метафора понимается нами как базовая когнитивная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмыслить объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), то есть «метафора осмысливается не как поверхностный риторический способ украшения речи, а, напротив, как фундаментальный когнитивный механизм, который организует наши мысли, оформляет суждения и структурирует язык» [1, с. 44]. Так, концептуальная метафора в языке трудов Л.Н. Гумилёва, в частности его книг «Древняя Русь и Великая степь» и «От Руси до России», со-

относится с физическими (*инерционная фаза*) и биологическими (*инкубационный период*) понятиями.

Теория концептуальной метафоры получила значительное развитие в отечественной лингвистике. Описаны базовые метафорические модели, значимые для русской языковой картины мира в целом [Телия 1988, Арутюнова 1998, Мишанкина 2012 и др.], а также их функционирование и варьирование в различных видах дискурсов. «Помимо номинативной, образной (изобразительно-выразительной) и экспрессивно-оценочной, метафоры выполняют в языке концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий» [2, с. 65].

Концептуальные метафоры активно участвуют в экспликации ключевого понятия работ Л.Н. Гумилёва – *пассионарность*. Многие метафоры, в которых раскрываются разные проявления пассионарности, мы относим к концептуальным.

По Л.Н. Гумилёву, пассионарность [*< фр. «passionner» – «увлекаться», «разжигать страсть»*] – это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию, к изменению окру-

жения, общественного или природного, причём достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее собственной жизни. Над идеей пассионарности Л.Н. Гумилёв работал около 60 лет. Понятие «пассионарность» в дискурсе Л.Н. Гумилёва выражено в виде сценария, представленного градационным рядом метафорических имён существительных, обозначающих опредмеченное действие: *напряжение, рост, пассионарный толчок, надлом, взрыв, перегрев, упадок, затухание*. В процессе развёртывания пассионарности возникают мгновения как результат высокого напряжения (*толчок, взрыв*). Деструктивность этих метафорически выраженных мгновений в контексте может поддерживаться глаголом регрессивного действия (*разрушить*): *...шёл инкубационный период нового пассионарного взрыва в следующих IX–X веках, разорвавшего железный обруч Каролингской империи и зачавшего феодально-папистскую Европу, гордо назвавшую себя, и только себя «христианским миром»*. Экспрессивизируя описание сложного этнического процесса, автор соединяет в одном высказывании метафору, имеющую физическое основание, с физиологическими метафорами (*инкубационный период, зачавшего*), переходящими (что подчёркивается и повтором возвратного местоимения *себя*) в метонимическое олицетворение (*называющую*). В результате получается социоморфный метонимически-метафорический образ. Метафорическое начало в нём связано с олицетворением (*Европа*); метонимическое – с соотношением лицо / его основной признак – обладание речью.

Л.Н. Гумилёв, описывая существование, развитие, миграцию древних народов, обращался к географическим картинам, поэтому в его дискурсе немало природных метафорических образов, опосредованно связанных с центральной константой в тезаурусе автора – *пассионарность*, что маркируется метафорическим выражением «диагностика этноса». Биологическое начало концептуальных метафорических образов дополняется цепочкой физиологических метафор: *кормящая природа, рождение, ростки новой духовной культуры, дряхлые члены этноса* и др. Приведём примеры: *Так правильно ли класть в основу этнической диагностики формы керамических изделий, а не способы жизни народов, то есть их взаимодействие с кормящей их природой и живыми традициями быта, нравов, воззрений, изменяющихся из века в век по строгой закономерности этногенетических событий? Эти деморализованные потомки даже не древних римлян и эллинов, а гибридизированного населения торгово-ремесленных эллинистических центров равно старательно истребляли ростки новой духовной жизни и следы древней культуры*.

Описывая «этногенетические события», диагностируемые при помощи физиологических метафор, автор, как мы видим, «природную» метафору объединяет с социальной (*кормящая природа и живые традиции быта, ростки духовной жизни и следы культуры*). Из «природных» концептуальных метафор интересно уподобление одного из социумов жизни птиц: *Там [на побережье] гнездились славянские пираты, молившиеся богу Святовиту и наводившие ужас на немецких и датских купцов*.

Частотны в дискурсе Л.Н. Гумилёва и метафорические образы, связанные с деятельностью чело-

века. Языковая компетенция автора и его эрудиция позволяют метафорически репрезентовать исторические понятия в терминах, относящихся к другим сторонам деятельности человека (театр, медицина, военное дело, физика и т.д.). Деструктивность концептуальных метафорических образов соотносится с медицинской метафорой: *Эта «раковая опухоль» [учение исмаилитов] разъела тело халифата*.

В одном предложении можно иногда наблюдать ряд метафорических образов (в том числе и деструктивных), которые ассоциируются с разными темами: так научный слог соединяется с художественным, например: *Этот век как бы антракт между надломом мира ислама, реанимацией Византии и детским буйством «христианской» Европы, пышно названным «крестовыми походами»*. В этом небольшом предложении можно наблюдать лексико-семантическую деривацию (метафора *надломом мира ислама*), соединённую со словообразовательной, что видно при использовании в смежных контекстах однокоренных слов (*надлом, надломленных, ломаю*), например: *...новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно, ломая обветшалую культуру и обездушенный, т.е. утративший, способность к творчеству, быт старых этносов*. Текстовое пространство ключевого понятия – пассионарность расширяется за счёт совмещения в одной фразе театральной (*антракт*), медицинской (*реанимация*), физической (*надлом*), указывающей на возраст (*детское*) метафор. Противопоставляя быт этносов, автор использует метафорические синонимы и антонимы (*новый / молодой // обветшалый / обездушенный*).

«Природные», физиологические, медицинские деструктивные метафорические образы в языке произведений Л.Н. Гумилёва нередко соотносятся с образной ассоциативной метафорой, отражающей фазу «затухания» пассионарности.

Если обратиться к образам уподобления, в которых используются физические термины, можно наблюдать и индивидуально-авторские метафоры («свободные атомы»), о чём свидетельствует в этом случае применение кавычек, и стёртые, по Н.Д. Арутюновой, когнитивные (такowymi она считает глаголы и прилагательные), метафоры, например: *Культуры Египта и Вавилона спокойно уядали под эгидой персидского царя. Но хазарское правительство устраивал и такой исход: ведь силы Византии на Чёрном море были скованы этой борьбой*.

Текстовое пространство присутствия ключевого понятия «пассионарность» выражается не только метафорически, но и сравнениями-уподоблениями (генетически связанными с метафорическим переносом наименования).

Если метафоры образно номинируют обычно при помощи отвлечённых существительных фазы пассионарности (*толчок, взрыв, затухание*) и нередко подчёркивают деструктивность отдельных частей эволюции этноса (*реанимация, раковая опухоль*), то сравнения-уподобления, акцентируя сопоставление, характеризуют пассионарность чаще при помощи конкретных визуальных представлений; при этом сохраняется деструктивный образ уподобления:

1. Распространённый образ сравнения может обозначать артефакт и при этом подчёркивать интенсивность социального процесса: *Система деформируется, как автомобиль, несущийся с такой*

скоростью, что от него отлетают колёса, ломаются оси.

2. Визуальный образ сравнения поддерживает метафорический глагол-интенсив: *Пассионарность... растекалась по сектантским движениям, губительным, как степные пожары.*

3. Сравнение-уподобление, выраженное отвлеченными отрицательно оценочными именами существительными, указывает на один из признаков пассионарности: *Алчность – такой же модус пассионарности, как и фанатизм.*

4. Интерес представляет грамматически ориентированный образ сравнения, в котором проявляется причастность автора к филологическому образованию: *Признав это, мы получаем непротиворечивую версию, по которой процесс этногенез «ведёт себя» так же, как видообразование.* Можно предположить, что учёный намекает на центральное противопоставление в славянском глагольном виде – процессность (НСВ) – результативность (СВ). Сравните также фазы пассионарности, выраженные отглагольными существительными: *рождение, затухание (=процесс) и толчок, взрыв (=результат).*

5. Сравнение-уподобление дополняют метафорические цепочки физиологических представлений о пассионарности: *В этой фазе [середина II века] этнос вёл себя, как дитя в утробе матери.*

6. Отметим также присутствие в монографиях Л.Н. Гумилёва оригинальных, неожиданных сравнений-уподоблений, эксплицирующих большое семантическое расстояние между предметом и образом, *Этнические процессы дискретны (прерывисты), а исключения из этого правила не продлевают свою жизнь, а останавливают её, как Фауст остановил мгновение, но ведь тут его и зацалал Мефистофель.*

Итак, введённое в этнографию Л.Н. Гумилёвым понятие «пассионарность» обильно эксплицируется в его сочинениях метафорами и сравнениями, которые приобретают концептуальную значимость.

Общность в экспликации центральной константы с помощью названных средств в тезаурусе этнографа состоит в проявлении семантики деструктивности и интенсивности, различие – в том, что при использовании сравнений подчёркивается сопоставление и конкретизируется объект сравнения. Он нередко визуален и может быть связан и с интертекстовостью. Градационный метафорический ряд названий фаз пассионарности (*толчок, подъём, перегрев, надлом, инерция, обскурация, гомеостаз, мемориальная, вырождение*) выполняет текстообразующую функцию и обрастает цепочками других оценочно-характеризующих метафорических образов.

Очевидно, что такие объединяющие метафорические образы, как природа, театр, строительство, являются для подобных произведений естественным, общим явлением, но структурирование ярких образов через призму понятий физиологии и медицины (*раковая опухоль тела халифата, инкубационный период, взрыв пассионарности, реанимация Византии*) можно считать одной из специфических черт описания явлений этногенеза Л.Н. Гумилёвым, соотносённых с центральным понятием *пассионарность*.

Художественность слога Л.Н. Гумилёва проявляется и в том, что иногда небольшое предложение в его тексте включает ряд метафор, разных по тематической принадлежности (*антракт между надломом мира ислама, реанимацией Византии и детским буйством «христианской Европы*). И это обуславливает усиление элемента субъективности, позволяющего автору более свободно соединять научный слог с художественным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мишанкина, Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? [Текст] / Н.А. Мишанкина. – Томск: Изд. Томского университета, 2010. – 282 с.
2. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора [Текст] / Е.О. Опарина // Метафора в языке и тексте; отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1988. – С. 65–77.
3. Кассирер, Э. Сила метафоры [Текст] / Э. Кассирер // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 33–44.
4. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – 705 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32.
6. Гусев, С.С. Наука и метафора [Текст] / С.С. Гусев. – Л.: Ленинградский университет, 1984. – 152 с.
7. Гумилёв, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь [Текст] / Л.Н. Гумилёв. – М., 2006. – 656 с.
8. Гумилёв, Л.Н. От Руси до России [Текст] / Л.Н. Гумилёв. – М., 2005. – 416 с.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–416.
10. Мишанкина, Н.А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: автореф. дис. ... на соискание ученой степ. докт. филол. наук [Текст] / Н.А. Мишанкина. – Томск. – 2010. – 280 с.
11. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд. – М., 2009. – 736 с.
12. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция [Текст] / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – 176 с.
13. Русский язык: энциклопедия [Текст] / под ред. Ю.Н. Караулова. – М., 1997. – 721 с.